

Мусульманский банк как историческая категория: опыт создания кредитных учреждений для мусульман в первой половине XX в.

Р.И. Беккин

Институт востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена;
Институт Африки РАН

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты деятельности мусульманских банков в странах Евразии в первой половине XX в. Данные кредитные учреждения были созданы по инициативе предпринимателей-мусульман, стремившихся иметь доступный источник финансирования своей деятельности. Мусульманские банки были важным элементом финансовой системы ряда государств в эпоху колониализма. В условиях конкурентной борьбы на рынке капиталов между западными банками и кредитными организациями, принадлежавшими различным религиозным и этническим группам, а также конкуренции последних друг с другом, мусульманские банки выступали в качестве инструмента обеспечения экономической независимости мусульманских сообществ в целом ряде стран и регионов в рассматриваемый период. После достижения странами Азии независимости мусульманские банки трансформировались в обычные общенациональные банки.

Деятельность мусульманских банков рассматривается в статье на фоне дискуссий о допустимости банковских операций с использованием ссудного процента в свете запрета ростовщичества (*риба*) в мусульманском праве. В статье подчёркивается, что мусульманские банки в своей деятельности опирались на богословско-правовые заключения (*фетвы*) мусульманских учёных, считавших такую деятельность легитимной и не подпадающей под кораническое понятие ростовщичества.

Автор придерживается точки зрения, что создание независимого государства или национально-территориальной / национально-культурной автономии мусульман явилось закономерным результатом борьбы мусульманской буржуазии с конкурентами за рынки сбыта своих товаров и услуг в целом ряде стран и регионов. И мусульманские, и исламские банки рассматриваются лишь как определённый этап в развитии банковского дела в ряде стран Азии, Африки и Европы. В статье оспаривается тезис о том, что исламские банки и исламская экономическая модель в целом являются монолитной конструкцией, не подлежащей модификации. По мнению автора, само создание исламских банков, а также их конвергенция с традиционными (неисламскими) кредитными учреждениями, которую мы наблюда-

УДК 339.74, JEL A310

Поступила в редакцию: 11.09.2020 г.

Принята к публикации: 16.10.2020 г.

даем в наши дни, является закономерным результатом изменения экономических интересов правящего класса как в странах распространения ислама, так и в Западном мире.

В статье рассматривается история создания мусульманских банков в Боснии и Герцеговине и в Британской Индии. Эти регионы сближает то, что проживавшие здесь мусульмане вынуждены были вступать в конкуренцию с представителями других этноконфессиональных групп и сообществ, проживавших на этой же территории. Особое внимание в статье уделено богословско-правовым дискуссиям о создании мусульманского банка в России.

Ключевые слова: мусульманский банк, исламский банк, риба, Муса Бигеев, торговые касты в Индии, ходжа, бохра, меманы

Исламские банки перестали быть экзотическим и маргинальным явлением в мировых финансах в последнее десятилетие прошлого века. К началу 2010-х гг. не осталось практически ни одной мусульманской страны, в которой не были бы представлены кредитные учреждения, использующие в своей работе исламские методы финансирования. Их доля на рынке часто была и продолжает оставаться незначительной¹, но это не отменяет факта их участия в финансовых отношениях в качестве полноправного субъекта.

Изменилась ситуация и в немусульманских странах со значительными мусульманскими меньшинствами, где также в начале 2000-х гг. стали развивать свою деятельность исламские банки. Не стала исключением и Россия, где ещё в 1998 г. был создан «Бадр Форте банк» – первый в стране банк, позиционировавший себя в качестве исламского (Беккин 2010). В 2006 г. у него была отозвана лицензия, однако история исламского банкинга в стране на этом не закончилась. С 2009 г. в ряде регионов России начинают функционировать структуры, предлагающие определённый набор финансовых услуг «в соответствии с шариатом»².

Краеугольный принцип исламского банковского дела – это отсутствие процента в пассивных и активных операциях банка. Если быть более точным, то речь идёт не о «беспроцентном», а о «непроцентном» финансировании. Термин «беспроцентный» может вводить в заблуждение и указывать на то, что кредиты предоставляются на безвозмездной основе. Однако исламские банки получают вознаграждение за свои услуги, но не в виде фиксированного процента, а в качестве доли от прибыли или комиссии.

Автор также старается не использовать расхожее клише, используемое при описании *modus operandi* исламских банков. В таких случаях в зарубежной и отечественной литературе принято писать и говорить о банках, работающих

¹ Так, по данным на 2015 г., за исключением двух стран, где формально весь банковский сектор исламизирован, только в одной стране (Саудовской Аравии) доля исламских банков на рынке превышала 50 % (Caporalea et al. 2020: 3).

² Один из наиболее свежих обзоров существующего рынка исламских финансовых услуг в современной России см., например, здесь: Kalimullina M. 2020. Islamic finance in Russia: A market review and the legal environment. *Global Finance Journal*. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2020.100534>

«в соответствии с принципами шариата», «в соответствии с шариатом» или «по нормам ислама»³. Однако данная формулировка, по мнению автора, является не вполне корректной, хотя бы потому, что не существует никакого исчерпывающего перечня принципов или норм шариата, регулирующих финансовые отношения. Тем более не ясно, что такое «нормы ислама». Различия в интерпретации шариатских положений, касающихся вопросов финансов и торговли, проявляются в плюралистичности на рынке исламских финансовых услуг в мире⁴.

Ещё одно важное замечание касается слов, используемых в качестве синонимов для обозначения исламских банков. С середины 2000-х гг. в деловой и научной литературе получил определённое распространение такой термин, как «партнёрские банки». Это словосочетание стало употребляться в Турции после того, как там в 2005 г. были приняты поправки в законодательство и для исламских банков была выделена особая категория⁵. Это был важный шаг на пути признания исламских банков в Турции в качестве одного из полноправных участников финансового рынка. Сторонники введения указанного термина в Турции обращают внимание на то, что партнёрские банки – это не альтернатива другим турецким банкам, а дополнительный и крайне необходимый элемент банковской системы страны (Беккин 2010: 262).

В России этот термин стал употребляться в качестве эвфемизма, призванного заменить имеющий определённые коннотации и потому не всегда удобный для продвижения бренд «исламский банк». При этом речь здесь не шла о какой-то особой разновидности финансовых учреждений, использующих в своей работе исламские методы финансирования. Партнёрские банки – это те же самые исламские банки, только в силу определённых политических причин скрытые под другим именем. Насколько корректен данный термин для понимания природы банков, использующих подобное наименование, не является предметом данной статьи.

Совсем другое дело – так называемые мусульманские банки, как правило, использовавшие в своём названии слово «мусульманский», а не «исламский». Они стали создаваться в разных частях мусульманского мира в первой половине XX в. Это были принципиально иные кредитные учреждения, отличавшиеся от исламских банков как по своим задачам, так и по методам финансирования. Понимание природы и причин появления мусульманских банков поможет лучше понять ту роль, которую призваны играть исламские финансы в современном мире. Таким образом, основной целью данной статьи является анализ теоретических и практических аспектов деятельности мусульманских банков как особого актора на финансовых рынках стран Европы и Азии в первой половине XX в. В статье предпринята попытка дать ответ на вопрос: являются ли ислам-

³ См., например, слоган на главной странице Финансового дома «Амаль»: «Стать инвестором по нормам Ислама с нашей командой – просто» (<https://fdamal.ru/>).

⁴ Подробнее об этом см.: (Беккин 2012).

⁵ До этого партнёрские банки назывались специальными финансовыми домами (*özel finans kurumları*).

ские банки результатом эволюции мусульманских банков или между этими институтами нет ничего общего?

Я рассматриваю создание разных форм государственного объединения мусульман в прошлом столетии как закономерный итог экономической эмансипации мусульманской буржуазии в условиях конкурентной борьбы с промышленными предприятиями и финансовыми учреждениями, находившимися в собственности колонизаторов и представителей других религиозных и этнических групп в поликонфессиональных обществах (Индии и др.).

Используя принцип историзма, я рассматриваю деятельность мусульманских банков и вопросы их легитимации богословами с точки зрения шариата в контексте тех социально-экономических и политических условий, которые существовали в конце XIX – начале XX в. Само банковское дело в мусульманском мире я представляю как череду определённых этапов. В статье фокусируется внимание на одном из этих этапов, характеризующемся появлением и функционированием на финансовых рынках мусульманских банков. Принцип историзма важен для нахождения исходной точки возникновения такого феномена, как исламские банки.

Сравнительный метод был использован мною при сопоставлении экономической и политической ситуации в определённых странах, где наблюдалась активность мусульманских и исламских банков.

Для анализа я выбрал пример Боснии и Герцеговины и Британской Индии. Мой выбор был обусловлен тем, что именно в указанных регионах получила распространение деятельность кредитных учреждений, позиционирующих себя в качестве мусульманских банков. Боснию и Индию сближает то, что проживавшие там мусульмане вынуждены были вступать в конкуренцию с представителями других этноконфессиональных групп и сообществ. Появление и дальнейшая работа мусульманских банков сопровождалась дискуссиями по вопросу о допустимости банковских операций в свете коранического запрета *риба* (ростовщичества). Подобные дискуссии велись и в России, где в 1910-е гг. на страницах периодических изданий на татарском и других языках обсуждался вопрос о создании мусульманских банков. Несмотря на то, что такие кредитные учреждения так и не были созданы, изучение российского дискурса представляет интерес для понимания транснационального характера такого явления, как мусульманские банки.

Мусульманский банк: теоретические аспекты

По мере развития финансовых отношений в мире и проникновения западного капитала в мусульманские страны и регионы верующие всё чаще стали поднимать вопрос о допустимости пользования услугами коммерческих банков в свете исламского запрета ростовщичества. В результате осмысления мусульманскими богословами и правоведами данной проблемы на рубеже XIX–XX вв. сформировалось три точки зрения:

1) существующая банковская практика полностью не соответствует шариату, так как банки в своих операциях взимают и выплачивают *риба* – запрещённый Кораном ссудный процент. Иными словами, под «*риба*» понималась любая надбавка сверху суммы долга, если речь не шла о наценке в торговой операции с предусмотренной отсрочкой платежа или отложенной поставкой товара;

2) получаемое и выплачиваемое банками вознаграждение за пользование денежными средствами разрешено, так как не подпадает под исламский запрет ростовщичества;

3) сама по себе банковская деятельность дозволена. Запретными являются отдельные операции банков и/или завышенная ставка процента.

Как видно, вся дискуссия строилась вокруг вопроса о том, подпадает ли ссудный процент в операциях банков под исламский запрет ростовщичества. Первая точка зрения означала невозможность развития банковского кредитования и, стало быть, сдерживала рост предпринимательской деятельности. Это не могло устраивать молодую мусульманскую буржуазию. Второй вариант был очевидно более приемлемым, но и он имел определённые негативные аспекты. Если речь шла о кредитовании в банках, принадлежавших иностранцам или соотечественникам – представителям других этнических и конфессиональных групп, мусульмане-предприниматели оказывались в невыгодных условиях. Во-первых, бизнес, принадлежащий мусульманам, оказывался в зависимости от капитала «чужих» и мог подпадать под их полный или частичный контроль. Кроме того, средства мусульман, размещаемые в банках на депозитах, не служили интересам мусульманской общины. Во-вторых, даже если речь шла не о традиционных ростовщиках на базаре, коммерческие банки зачастую могли финансировать «своих» на более льготных условиях, чем «чужих».

Таким образом, наиболее удобным выглядел третий вариант, связанный с учреждением особой категории банков, ориентированных на клиентов-мусульман. Осталось только найти богословско-правовое обоснование работе таких банков. От этого зависело, насколько клиенты-мусульмане будут готовы сотрудничать с финансовыми учреждениями, работающими на процентной основе.

Муса Бигеев о мусульманском банке

Значительный вклад в теоретическое обоснование идеи мусульманских банков⁶ внёс татарский богослов Муса Джарулла Бигеев (1871–1949). Две из трёх работ Бигеева, посвящённых непосредственно вопросам финансов в свете шариата, являются библиографической редкостью и до сих пор не доступны читателю: «Банк в исламе» и «Страхование жизни и имущества». Вопросы

⁶ Сам учёный использовал термин «исламские банки» (по крайней мере в книге «Заkyat»), но писал он о тех учреждениях, которые используют в своих операциях процент, то есть о банках, которые мы именуем мусульманскими.

финансов также затрагиваются в книге «Важнейшие основы»⁷. Все три работы написаны на арабском языке и были изданы в середине 1940-х гг. в княжестве Бхопал, расположенном в центральной части Индии.

Эти труды безусловно представляют интерес для исследователя исламской экономики в России, а также историков, специализирующихся на изучении экономической мысли в XX столетии. Однако не меньшую ценность представляет книга Бигеева «Закят», опубликованная в 1916 г. в Петрограде. Эта работа является первым исследованием Бигеева, в котором тот рассматривает финансовые отношения в контексте мусульманского права. По замыслу учёного, «Закят» был третьей частью в серии книг, посвящённых важнейшим вопросам исламского вероучения⁸.

Название книги поначалу может ввести читателя в заблуждение. Собственно самой теме *закята*⁹ в сочинении уделено не более 10%. В предисловии к книге Бигеев критикует взгляды башкирского просветителя и учёного Закира Аюханова (1889–1961), высказанные им на страницах издававшегося в Оренбурге журнала «Шура». Сама же книга практически полностью посвящена теме запрета ссудного процента в мусульманском праве.

Бигеев ставит перед собой амбициозную задачу, оказавшуюся, по его мнению, не по силам предыдущим поколениям мусульманских богословов и правоведов, – дать богословско-правовое решение проблемы ссудного процента: «...ростовщичество является сложнейшим вопросом как с практической, так и с теоретической точек зрения» (Бигиев 2013: 41).

В основе предлагаемого Бигеевым решения вопроса о современных банковских операциях в свете коранического запрета *риба* лежат рациональные доводы. Учёный разделяет ссуды, взятые «из нужды» (*ихтийадж*), и ссуды, взятые для приобретения выгоды (*касб*), то есть потребительское кредитование и финансирование предпринимательской деятельности. В книге также проводится граница между процентами за предоставление отсрочки (*интизар*) и процентами за участие (*иштирак*): «Ссуды, взятые из нужды, не дают роста (*нама'*), в них нет процента, поэтому взимать или требовать процент с них запрещено. Ссуды, взятые для приобретения выгоды, обращаются в сфере приобретения выгод, дают рост, возникает прибыль. Получать процент путём участия возможно и позволительно (*халяль*)» (Бигиев 2013: 118).

⁷ Муса Джарулла. Ал-банк фи-л-ислам. Бхопал, 1946; Та'мин ал-хайат ва-л-амлак. Бхопал, 1944; Ал-усул ал-джалалийя. Бхопал, 1946.

⁸ Первая в этой серии работа, «Основы реформ» («Ислахат асслары»), по словам самого Бигеева, «содержит в себе все насущные потребности нации, живо разъясняя её идеи, становясь вехой политических, социальных и культурных движений в её среде» (Бигиев 2013: 28). Вторая книга, «Основы шариата» («Шариғат асслары»), «была написана в соответствии с основами и нормами исламского законодательства (шариата) для математически доказуемого определения его центрального положения в чередующихся законах и прав общества» (Бигиев 2013: 28). И, наконец, третья работа, «Закят», призвана «раскрывать вопросы исламского законодательства по вопросам ростовщичества и процента» (Бигиев 2013: 28).

⁹ Закят (закат) – налог в пользу нуждающихся членов мусульманской общины. Выплата закята, являющегося одним из пяти столпов ислама, предписана всем мусульманам (в лице глав семейств), обладающим необходимым установленным минимумом средств.

Из текста книги не вполне понятно, что представляют собой «проценты за участие» (*иштирак*). Долю прибыли или процентный доход? Между двумя этими понятиями огромная разница, но Бигеев смешивает инвестиционный доход, зависящий от результатов предпринимательской деятельности, и процентный доход, получаемый кредитором независимо от результатов проекта, в который вложены средства. В результате невозможно в точности уяснить позицию самого учёного по вопросу дозволенности процента по кредиту, то есть по проблеме, ради решения которой писалась вся книга...

Непоследовательным выглядит и отношение Бигеева к современной ему финансовой системе. С одной стороны, автор «Заката» не видит альтернативы ссудному проценту: «...условимся, что система кредитных отношений в торговле может быть обеспечена исключительно силой процента» (Бигиев 2013: 77). С другой стороны, тот же Бигеев считает сложившуюся финансовую систему несправедливой и предлагает ей альтернативу в виде... исламских банков (*ислам банклари*).

Что же такое исламский банк? На первый взгляд может показаться, что это лишь несколько улучшенная копия обычного коммерческого банка: «Учреждение исламских банков – это законно, востребовано и необходимо. Любой из известных в современном цивилизованном мире банков при условии отсутствия несправедливости является законным» (Бигиев 2013: 121). Однако дальнейшие уточнения, которые делает Бигеев, позволяют утверждать, что перед нами оригинальный финансовый институт.

При учреждении исламского банка Бигеев предлагает взять за основу исламское казначейство (*байт ал-мал*) – финансовое учреждение, известное в раннеисламский период и практически переставшее выполнять предназначавшуюся ему роль ещё в Средние века. Под *байт ал-мал* изначально понималось помещение, в котором хранились все финансовые поступления, считавшиеся общим имуществом всех мусульман, однако вскоре этим термином стали обозначаться и сами средства, принадлежавшие всей общине. «Требуется вернуть к жизни подробно описанный в книгах по мусульманскому праву (*фикх*) “байт аль-мал”, сделать исламский “байт аль-мал” исламским банком, то есть использовать “байт аль-мал” для сбережения, накопления капиталов» (Бигиев 2013: 121).

Таким образом, исламский банк в представлении Бигеева совмещает функции казначейства, коммерческого банка и благотворительного фонда. Источниками поступления денежных средств в банк выступают закят, добровольная милостыня (*садака*), доходы от *вакфов*¹⁰, деньги вкладчиков и др. Учёный не вдаётся в детали, которые были бы интересны в первую очередь светскому юристу-практику. Какой должна быть организационно-правовая форма такого банка?

¹⁰ Вакф (мн.ч. аукаф и вукуф; синоним – хубс) – имущество, право собственности на которое по волеизъявлению учредителя *вакфа* – *вакифа* – ограничено использованием всем доходом или продуктом или их частью в интересах обозначенных выгодоприобретателей.

Каким образом в банке будут разделяться денежные средства, поступившие из разных источников и имеющие в соответствии с требованиями шариата разное предназначение? На каких условиях принимаются вклады?

Муса Джарулла указывает лишь базовый механизм, с помощью которого исламский банк осуществляет финансирование: «Средства, предназначающиеся для оборота в сфере торговли, сельского хозяйства, промышленности, становятся капиталом исламских банков. Исламские банки принимают вклады, осуществляют кредитование, получая процент согласно принципу участия в прибыли, но в этих отношениях отсутствует ссудный процент (*риба ан-наси'а*)» (Бигиев 2013: 122). В данном случае речь скорее всего идёт о доле в прибыли, но никак не о фиксированном проценте – как в других, менее ясных местах книги, где рассматривается практика обычных коммерческих банков.

То, что предлагается в книге «Закят» под именем исламского банка, нельзя назвать готовой моделью финансового института. Это лишь эскиз, позволяющий тем не менее составить представление о его природе.

Муса Бигеев не был первым, кто поднимал в российской печати вопрос об учреждении специализированного банка для мусульман и писал по теме финансовых отношений в свете шариатского запрета *риба*. Данная проблематика широко освещалась на страницах периодических изданий на татарском языке, выходивших в Российской империи с 1905 г. Так, в издававшемся в Оренбурге в 1908–1917 гг. журнале «Шура» теме мусульманско-правового анализа финансовых отношений, по подсчётам российского исламоведа И.А. Зарипова, было посвящено 15 статей (Зарипов 2014: 58). В почти половине из них рассматривались вопросы банковской деятельности: «О банковских операциях», «Банковские операции, страхование и шейх-уль-ислам», «Рост денег в банке», «Вопросы кредита и процента», «Мелкий кредит, товарищества и ростовщичество», «Мелкокредитные товарищества и банковские операции» (Зарипов 2014: 58).

Начиная с 1909 г. в журнале «Икътисад» («Экономика»), также издававшемся на татарском языке в Оренбурге в 1908–1913 гг., регулярно печатались статьи, посвящённые вопросам финансов: «Ислам и экономика», «Банковские вопросы», «Виды кредита», «Страхование» и др.¹¹

В одной из статей, опубликованных в журнале, прямо поднимался вопрос о создании мусульманского банка: «Нам, мусульманам России, составляющим 25–30 млн человек, ни на минуту не следует забывать о создании банка. Рано или поздно это должно быть сделано. Разрешение данной проблемы будет означать и решение вопроса об экономической жизни и смерти миллионов мусульман России»¹². В качестве наиболее оптимальной формы организации банковской детальности для мусульман в другой статье говорилось о «банках взаимного

¹¹ Ислам и экономика (Ислам вә икътисад). 1909. *Икътисад*. №1. С. 1–2; Банковские вопросы (Банк мәсьәләсе). 1909. *Икътисад*. №6. С. 196–171, №7. С. 203–205, №9. С. 266–267; Кредит нәүгъләры. 1910. *Икътисад*. З. С. 74–75; Страхование [торговых компаний]. 1910. *Икътисад*. №5. С. 133–134, и др.

¹² Исхаков М. 1913. Милли банк мәсьәләсе. *Икътисад*. №№5–6. С. 141–143.

кредита». Одним из преимуществ этого вида банков была объявлена «наибольшая удалённость от ростовщического процента (*риба*)»¹³. В статье, посвящённой вопросу открытия банков (обществ) взаимного кредита, говорилось, что «в открытии банка нет ничего противоречащего шариату». Не приводя серьёзной богословско-правовой аргументации, автор утверждал, что такие банки – это единственный способ избежать ростовщичества¹⁴.

В отличие от других российских авторов, писавших об актуальности банковского дела для мусульман в стране или пытавшихся объяснить механизм их функционирования с помощью известных мусульманскому праву контрактов¹⁵, Бигеев предпринял попытку сформулировать альтернативную модель банка, приемлемую для последователей ислама.

Остаётся открытым вопрос о влиянии, которое могли оказать на Бигеева мусульманские богословы, интересовавшиеся темой финансов в свете шариатского запрета ростовщичества. Бигеев имел возможность посещать лекции Мухаммада 'Абду в университете «ал-Азхар» в начале XX в., и ему наверняка было известно мнение этого мусульманского реформатора относительно неприменимости расширительного толкования коранического запрета *риба* к операциям современных финансовых институтов. Наверняка Бигеев был знаком с публикациями в османской прессе, посвящёнными финансовым вопросам¹⁶. После пребывания в Каире Бигеев отправился в Британскую Индию, где много общался с местными мусульманскими богословами. Уже после своей вынужденной эмиграции из СССР в 1931 г. Бигеев также бывал в Индии. Здесь, как уже отмечалось ранее, были опубликованы работы учёного, посвящённые финансовой проблематике. При этом Бигеев общался и взаимодействовал не только с суннитами, но и с представителями других религиозных направлений и групп в исламе в Индии и других странах, посещаемых учёным, в том числе с представителями ахмадийской общины (Jonker 2020: 41).

В литературе можно встретить ошибочное утверждение, что в конце 1900-х или в начале 1910-х гг. в Петербурге был создан мусульманский банк (O'Sullivan 2020: 261). Никаких свидетельств того, что такой банк был учреждён, в моём распоряжении нет.

Книга Бигеева не послужила руководством по созданию банка для мусульманских предпринимателей, владевших капиталом. И дело было даже не в том, что она вышла меньше чем за год до краха Российской империи. Даже если бы книга была опубликована на несколько лет раньше, она бы не сильно изменила

¹³ Взаимный банклар [узара ярдёмләшү-кредит жәмгыятьләре]. 1911. *Икътисад*. №3. С. 73–74.

¹⁴ Самарада взаимный кредит банкысы. 1913. *Икътисад*. №3. С. 74–75.

¹⁵ Например, татарский богослов-реформатор Мухаммад-Наджиб Тюнтери считал, что коммерческие банки используют в своей работе механизм *мудароба*, основанный на разделении прибылей и убытков между клиентом и банком (Зарипов 2014: 121).

¹⁶ По мнению американского экономиста Майкла О'Салливана, именно османскому влиянию обязаны мусульманские банки, появившиеся в разных регионах мусульманского мира в первой половине XX в. (O'Sullivan 2020: 268).

что-либо в сознании татарской буржуазии, которой работа Бигеева уже была не очень сильно нужна.

К тому времени, когда вышла из печати книга «Закят», татарская (и, шире, мусульманская) буржуазия империи уже не нуждалась в богословско-правовом обосновании банковской практики. Пользование услугами коммерческих банков стало неотъемлемой частью предпринимательской деятельности коммерсантов-мусульман. Достаточно вспомнить известный факт, что многие *вакфы* в Волго-Уральском регионе до Октябрьской революции существовали на проценты от капиталов, размещённых в банках. Ещё один пример – общеимперский проект, в котором участвовало мусульманское население всей России, – строительство Соборной мечети в Санкт-Петербурге. Значительная часть собранных средств состояла из процентных бумаг (Беккин 2014: 225)¹⁷. Муса Джарулла, член Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге, разумеется, не мог не знать этого.

Отмеченные выше обстоятельства не снимали с повестки дня вопроса о создании банка, который находился бы в собственности мусульман: «До сегодняшнего дня мусульмане, беря деньги в банке, платили ему проценты, а сами давать под проценты не могли. Если бы был отдельный мусульманский банк, то проценты по депозиту покрывались бы кредитными процентами, и мусульманское богатство не уходило бы вне мусульманского сообщества, а оставалось бы у себя»¹⁸.

При этом следует отметить, что проблема учреждения мусульманского банка не стояла для мусульман России столь же остро, как в Индии, Египте и других регионах. Можно высказать предположение, что у российских мусульман не было такого предубеждения в отношении банков, как у их единоверцев в той же Индии. Российские коммерческие банки выглядели в глазах если не всех, то определённой части предпринимателей-мусульман как общеимперские учреждения, а не как коммерческие предприятия, за которыми стояли представители конкретной конфессиональной или этнической группы и/или иностранный капитал. Некоторые российские мусульмане входили в правление российских банков¹⁹.

Идеи Бигеева, видевшего в качестве основы национального банка исламский институт *байт ал-мал*, возможно, были использованы при создании Милли хэзинэ (Национального казначейства)²⁰. Данная структура была учреждена при Милли Идарэ (Национальном правительстве) Национально-культурной

¹⁷ Финансовые документы Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге хранятся в фондах Государственного музея истории религии.

¹⁸ Безем сармаяга урын. 1910. *Икътисад*. 8. С. 232 (Цит. по: Зарипов 2014: 67).

¹⁹ Например, редактор и издатель журнала «Икътисад» Мухаммедфатих Муртазин был членом учетного комитета Самарского кредитного банка (*Татарская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/personalii/murtazin-muhammedfatih-shigabutdinovich>) (дата обращения 10.10.2020).

²⁰ Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. 2011. Мусульманские духовные лидеры России Нового времени. Нижний Новгород: Медина. URL: http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3486#_ftn131 (дата обращения 10.10.2020).

автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, созданном в 1917 г. и ликвидированном большевиками в начале 1918 г.

Совсем по-иному складывалась судьба мусульманских банков в других странах и регионах. Идея банка для мусульман получила практическое воплощение в Боснии, ещё в 1878 г. оккупированной Австро-Венгерской империей²¹, и в Британской Индии.

Мусульманские банки в Боснии и Герцеговине

Как утверждает американский экономист Майкл О'Салливан, вопрос о создании мусульманского банка в Боснии и Герцеговине поднимался начиная с 1890-х гг. (O'Sullivan 2020: 268). Практическое воплощение идея кредитного учреждения для мусульман нашла только в 1906 г. Тогда в регионе был учреждён Первый мусульманский кредитный кооператив (Prva Muslimanska Kreditna Zadruga). Его капитал составлял 500 000 крон²² (ок. 100 000 дол. США по современному курсу) (O'Sullivan 2020: 270). В 1912 г. данное кредитное учреждение было преобразовано в Мусульманский торговый и сельскохозяйственный банк (Muslimanska trgovačka i poljodjelska banka). В 1908 г. был учреждён Первый мусульманский банк (Prva Muslimanska Banka) с капиталом 200 000 крон (ок. 40 000 дол. США по современному курсу) (O'Sullivan 2020: 270). Примечательно, что упомянутые банки были созданы не в столице Боснии и Герцеговины – Сараево, а в небольших городках Тешани и Брчко.

Но самым известным мусульманским банком как в стране, так и за её пределами стал Мусульманский центральный банк (Muslimanska Centralna Banka), учреждённый в 1911 г. в Сараево в форме акционерного общества с капиталом 10 000 000 крон (2 000 000 долл. США по курсу 1912 г.) (O'Sullivan 2020: 268)²³. Отделения банка были открыты в городах: Брчко, Баня Лука, Бугойно, Травник. Акционерами банка были известные представители мусульманской общины Боснии и Герцеговины: политики (например, лидеры ведущих политических партий, представлявших интересы мусульман, Адем Месич и Шериф Арнаутович), бизнесмены и др. Среди клиентов банка были как мусульмане, так и не мусульмане (O'Sullivan 2020: 270). Банк был призван в первую очередь защищать интересы землевладельцев-мусульман, которые без финансовой поддержки могли потерять свои земельные участки и утратить политическое влияние на дела, происходившие в регионе. Мусульманский центральный банк пережил Австро-Венгерскую империю на пять лет и прекратил существование уже в 1923 г., став в результате слияния частью Объединённого банка (Югославского объединённого банка).

²¹ В 1908 г. Австро-Венгрия осуществила аннексию Боснии и Герцеговины

²² Австро-венгерская крона – денежная единица Австро-Венгрии (1892–1918).

²³ Фактически банк начал работу в сентябре 1912 г. (Šabotić 2019: 267)

История мусульманских банков в Боснии и Герцеговине достаточно подробно рассмотрена М. О'Салливаном в его фундаментальной статье «Interest, Usury, and the Transition from “Muslim” to “Islamic” Banks, 1908–1958». Остановимся лишь на одном важном моменте.

Как пишет О'Салливан, в 1910 г. (то есть за два года до создания банка) будущие акционеры обратились к шейх-уль-исламу – высшему религиозному чиновнику в Османской империи – за *фетвой* (богословско-правовым заключением) о дозволенности банковской деятельности. Ответ шейх-уль-ислама был опубликован в газете *Tearü f-i Muslimin*, издаваемой татарским политическим и религиозным деятелем, журналистом Абдурашидом Ибрагимовым (1857–1944) в Стамбуле. В *фетве* банковская практика признавалась «законной и допустимой» (O'Sullivan 2020: 270–271).

О'Салливан считает, что одним из главных факторов успеха Мусульманского центрального банка стала поддержка со стороны государства (O'Sullivan 2020: 274). Действительно, власти империи демонстрировали заинтересованность в существовании кредитного учреждения, принадлежащего мусульманам. В частности, австро-венгерский наместник Боснии и Герцеговины Оскар Потioreк оказывал покровительство Мусульманскому центральному банку (Šabotić 2019: 267).

Мусульмане Российской империи едва ли могли рассчитывать на поддержку властей в создании специализированного банка, нацеленного на защиту их экономических интересов. Большое значение для легитимации деятельности мусульманских банков в Боснии и Герцеговине имела *фетва* шейх-уль-ислама Османской империи. Большинство мусульман России формально также считали своим халифом турецкого султана. Однако, насколько мне известно, мусульмане России не обращались к шейх-уль-исламу за разъяснениями по вопросам, касающимся финансовых отношений. Публикуемые на страницах татарских периодических изданий *фетвы* зачастую выпускались по инициативе самих мусульманских богословов России, заинтересованных в развитии банковского дела у мусульман империи. При этом не вызывает сомнений, что богословско-правовое заключение шейх-уль-ислама, выпущенное в ответ на обращение боснийских мусульман, было известно в России.

Как уже было отмечено выше, вопрос о допустимости взимания ссудного процента банковскими учреждениями не порождал среди мусульман России таких же острых дискуссий, как это было, например, в Индии.

Мусульманские банки в Индии

В то же самое время, когда боснийские мусульмане создавали свои кредитные учреждения, в Южной Азии шли острые дискуссии о легитимности с точки зрения шариата мусульманских банков, работающих на процентной основе. Но если в Боснии и в России полемика велась в рамках одного и того же направле-

ния и даже богословско-правового толка (ханафитского *мазхаба*), то в Индии существование различных течений и групп среди мусульман не позволяло прийти к общему знаменателю по целому ряду проблем, в том числе в вопросе о легитимности банковской деятельности в свете коранического запрета ростовщичества.

Дискуссии о мусульманских банках были достаточно подробно рассмотрены О'Салливаном (O'Sullivan 2020). Важно обратить внимание на то, что в вопросе о признании легитимности банковской деятельности могли объединяться представители разных направлений в исламе, и, в то же время, между последователями одной и той же правовой школы могли возникать серьёзные разногласия по этому вопросу. Так, один из наиболее известных ахмадийских богословов и миссионеров Ходжа Камал-уд-Дин (1870–1932) писал, что между ростовщичеством и банковским процентом, выплачиваемым по депозитам Почтового сберегательного банка, нет ничего общего. Учёный ставил в один ряд доход по депозитам в указанном банке и дивиденды, получаемые акционерами железнодорожной компании (Kamal-ud-Din 2014: 333–334). В короткой статье Камал-уд-Дина не приводятся богословских или рациональных доводов в пользу легитимности банковского процента. Из логики повествования можно сделать вывод, что ростовщичество имеет место, когда одно лицо обогащается за счёт другого, используя тяжёлое положение последнего. В качестве примера приводится ситуация, когда лицо А берёт у лица Б в долг 50 фунтов стерлингов при условии, что через два месяца выплатит ему 250 фунтов (Kamal-ud-Din 2014: 334). Эта логика похожа на ту, которую приводил в своей работе «Закят» Муса Бигеев. Ростовщичество, по Бигееву, это когда заимодавец берёт процент по ссудам, предоставленным на покупку необходимого (еды, одежды и др.). Когда же ссуда предоставлена коммерсанту, или физическое лицо открывает депозит с целью получения дохода, то процент в таких операциях не подпадает под категорию *риба* (ростовщичества) (Беккин 2014: 226).

Камал-уд-Дин был не единственным богословом в Индии, кто отстаивал тезис о различии между *риба* и банковским процентом. Между тем, проблема эта требовала скорейшего решения. Мусульмане, не имея возможности аккумулировать финансовые средства и перераспределять их на финансирование значимых для них проектов, оказывались в зависимости от банковского и ростовщического капитала, находившегося в руках иностранцев и представителей разных этнических и конфессиональных сообществ, проживавших в стране. В отличие от австро-венгерской администрации, колониальные власти Британской Индии не только не содействовали аккумуляции капитала представителями национальных и религиозных групп, но и оказывали противодействие индийской буржуазии в освоении рынков. К этому прибавлялась жёсткая конкурентная борьба между разными группами индийской буржуазии, проходившая по линии религиозно-кастовых различий. Как справедливо отмечал советский востоковед С.Ф. Левин, «капиталистическая конкуренция в Индии стала нередко

принимать форму конкуренции между религиозно-кастовыми организациями» (Левин 1965: 239).

На рынке кредитных услуг в Индии мусульмане сталкивались с господством индуистских торгово-ростовщических каст (марвари, баниа, четти), а также общины парсов (Левин 1965: 257). По словам С.Ф. Левина, любые попытки создать мусульманский банк «встречали активное противодействие индусских банков и религиозно-кастовых организаций индусской буржуазии» (Левин 1965: 257).

Не вполне понятно, представители какого направления в исламе стояли за созданием первого мусульманского банка в Индии. Нельзя исключать того, что к банку имели отношение члены одной из мусульманских торговых каст. Им было проще создать такой банк по следующим причинам. Во-первых, в рядах мусульманских торговых каст в Индии, как правило, не было разногласий по вопросу о легитимности банковских операций с точки зрения шариата²⁴. Во-вторых, торговые касты обладали высокой мобилизационной активностью, позволявшей им, помимо прочего, аккумулировать значительные средства в короткий срок²⁵. Неудивительно поэтому, что большая часть мусульманских банков в Британской Индии и затем в 1940-е гг. в Пакистане были созданы выходцами из мусульманских торговых каст: ходжа, бохра и меманов.

Первый мусульманский банк в Индии – *Muslim Orient Bank* (более известный как *Muslim Bank of India*) – был открыт в Лахоре в 1909 г. У банка были отделения в Бомбее, Пешаваре, Мулатне, Касуре, Лялпуре и Гуджрате. Представительства банка были открыты в городах Лондоне, Джидде, Стамбуле (O'Sullivan 2020: 274–275). Планировалось открыть также представительство в Мекке (Kamal-ud-Din 2014: 333–334). История этого кредитного учреждения была непростой. На протяжении своей относительно недолгой истории банк несколько раз сталкивался с перспективой банкротства. Так, в 1916 г. началась процедура его ликвидации, но вскоре банк возобновил работу. Окончательно *Muslim Bank of India* покинул рынок в 1939 г.

Накануне достижения независимости Индией и Пакистаном в 1947 г. мусульманам принадлежал только один банк – «Хабиб бэнк» (Kuran, Singh 2013: 504)²⁶. Он был создан ещё на территории Британской Индии и после образования Пакистана был некоторое время был крупнейшим игроком на рынке банковских услуг. По своей сути «Хабиб бэнк» представлял собой мусульманский банк, подобно тем кредитным учреждениям, которые появились ранее в Боснии

²⁴ Запрет на взимание процента мог распространяться только на финансовые операции между членами касты. Например, у исмаилитов-бохра взимание процента с «чужих» (в число которых могли входить другие мусульмане) не рассматривалось в качестве порицаемого деяния (Левин 1965: 248).

²⁵ Например, в середине прошлого века отказ кого-либо из исмаилитов-ходжа купить акции крупных корпораций, принадлежавших представителям касты, рассматривался как пренебрежение своими религиозными обязанностями и мог повлечь бойкот со стороны общины (Левин 1965: 246).

²⁶ До образования Пакистана в 1947 г. на территории, которая вошла в состав этого государства, действовало 704 банка, из них 703 принадлежали индуистам (Andrus, Muhammad 1958: 376)

и Герцеговине, а также в самой Индии. Банк был создан семьёй Хабибов – членами исмаилитской торговой касты ходжа.

Банк не только кредитовал предпринимателей-мусульман, но и оказывал финансовую поддержку движению за образование Пакистана. В частности, Мохаммед Али Хабиб (1904–1959) вместе со своими братьями, помогавшими ему создавать банк, финансировал деятельность Мусульманской лиги и лично её председателя Мухаммада Али Джинну, семья которого принадлежала к касте исмаилитов-ходжа (Левин 1965: 258)²⁷. Таким образом, если в Боснии у истоков мусульманских банков стояли политики, видевшие в подобных кредитных учреждениях инструмент для укрепления влияния мусульманской общины в многоконфессиональном регионе, то в Индии инициатива исходила от самих мусульманских предпринимателей.

Создание независимого государства или национально-территориальной/ национально-культурной автономии мусульман явилось закономерным результатом борьбы мусульманской буржуазии с конкурентами за рынки сбыта своих товаров и услуг в целом ряде стран и регионов. Объём и содержание политических требований, выдвигаемых буржуазией или её представителями, зависели от тех экономических выгод, которые она могла в результате получить.

Образование независимого мусульманского государства на части территории Индии в полной мере отвечало интересам торговых каст (ходжа, бохра, меманов) и мусульманской буржуазии в целом, так как снимало вопрос о конкуренции с западными банками и кредитными учреждениями, принадлежавшими индуистам (Левин 1965: 258).

По-иному обстояло дело в Российской империи. Татарским купцам не было выгодно создание независимого государства тюрко-татар в Волго-Уральском регионе. В случае появления такого государства и отделения его от остальной России и Средней Азии, они теряли большой рынок для сбыта своих товаров и услуг. Что касается Боснии, то в силу дисперсного расселения населения на её территории, создать отдельное мусульманское государство представлялось практически невозможным. Кроме того, конфессиональная политика Вены открывала широкие возможности для реализации экономических интересов мусульманской буржуазии в рамках Австро-Венгерской империи.

Мусульманские банки были важным элементом финансовой системы в эпоху колониализма, когда мусульманам жизненно важно было не проиграть в конкурентной борьбе как с западными банками, так и с кредитными организациями, принадлежавшими другим религиозным и этническим группам. После достижения странами Азии и Африки независимости, мусульманские банки модифицировались. Они превратились в обычные коммерческие банки, работавшие на общенациональном уровне. Теперь им предстояло бороться за тех клиентов, которые продолжали считать, что банковский процент и ростовщи-

²⁷ Сам М.А. Джинна позднее стал шиитом – последователем имамитского *мазхаба*.

чество – это одно и то же. Таких людей было немало, и их взгляды отражали такие известные богословы, как, например, Абу-л-Ала аль-Маудуди, Анвар Икбал Куреши и др.

Первые работы, в которых обсуждался вопрос об устройстве исламской экономической системы, появились ещё во второй половине 1940-х гг. (Беккин 2010: 13). В 1950–1960-е гг. в качестве альтернативы коммерческим банкам, работавшим на процентной основе, предлагались инвестиционные компании, функционирующие в соответствии с принципом разделения прибылей и убытков (на основе контрактов *мудароба* и *мушарака*, известных мусульманскому праву). Полноценные исламские банки стали появляться только в середине 1970-х гг.²⁸

Таким образом исламские банки – это определённый этап в развитии банковского дела в мусульманском мире, начавшийся около 50 лет назад. Таким же этапом в истории банковского дела в 1900–1940-е гг. были мусульманские банки – кредитные учреждения, работавшие на процентной основе. Их деятельность была одобрена значительным числом мусульманских богословов. Можно сказать, что исламские банки – это результат эволюции мусульманских банков. В основе этой эволюции лежали изменившиеся социально-экономические условия в ряде стран.

Потребовалось ещё тридцать лет после начала работы исламских банков в государствах Персидского Залива и Северной Африки, прежде чем эта практика получила признание и одобрение в большинстве мусульманских стран. Ещё в начале 2000-х гг. в значительном числе стран Азии и Африки отсутствовали исламские банки и другие исламские финансовые институты, хотя к 1990-м гг. в среде мусульманских правоведов сформировался консенсус по вопросу о том, что банковский процент подпадает под исламский запрет *риба*, а исламские банки в наибольшей степени соответствуют требованиям шариата, предъявляемым к кредитным учреждениям²⁹.

Однако сейчас уже ситуация в сфере исламского банковского дела меняется. С исламскими банками происходит то, что можно охарактеризовать как процесс конвергенции. Наиболее ярко это проявляется в Малайзии, которая считается одним из лидеров по развитию рынка исламских финансовых услуг в мире³⁰. Конкурентная борьба с неисламскими (т.н. традиционными) банками вынуждает исламские кредитные учреждения в этой стране использовать такие механизмы финансирования, которые вызывают критику со стороны богословов и правоведов в других регионах.

²⁸ Первым полноценным исламским коммерческим банком является Исламский банк Дубая, учреждённый в 1975 г. В работах по исламскому банковскому делу можно часто встретить упоминание о «Мит Гамр бэнке» как первом исламском банке в мире. Как справедливо отмечает М. О'Салливан, опыт этого кредитного учреждения чрезмерно переоценён некоторыми исследователями (O'Sullivan 2020: 261).

²⁹ Постановления и рекомендации Совета исламской академии правоведения (фикха) — фетвы. 2003. Пер. М.Ф. Муртазина. Москва

³⁰ Abdullah A. 2019. Malaysia a global leader in Islamic banking. *New Straits Times*. 7 February. URL: <https://www.nst.com.my/opinion/columnists/2019/02/458228/malaysia-global-leader-islamic-banking> (accessed 10.10.2020).

Процесс конвергенции традиционных и исламских банков в мусульманском мире будет продолжаться. Он может принимать разные формы (например, как в Турции, когда традиционные банки используют в своей работе некоторые механизмы финансирования из инструментария партнёрских банков, но не маркируют их в качестве исламских). Какими в ближайшем будущем будут банки, которые сейчас именуется исламскими, зависит от многих факторов, но в первую очередь от социально-экономических и политических условий в мусульманских странах. Пока ясно лишь одно: исламский банк – это всего лишь один из этапов развития банковского дела в мусульманском мире. Но далеко не последний.

Об авторе:

Ренат Ирикович Беккин – доктор экономических наук, Ph.D. in Religious studies, профессор РАН, профессор Института востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена; ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: bekkin@mail.ru.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: September 11, 2020
Accepted: October 16, 2020

Muslim Bank as a Historical Category: Creating Credit Institutions for Muslims In the First Half of the 20th Century

Renat I. Bekkin
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-149-167](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-149-167)

The Institute of Oriental Studies, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
The Institute for African studies of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: The article examines theoretical and practical aspects of the activities of Muslim banks in the countries of Eurasia in the first half of the 20th century. These credit institutions were created on the initiative of Muslim entrepreneurs who sought to have an affordable source of financing for their activities. Muslim banks were an important element of the financial system of a number of countries during the era of colonialism. In the context of competition in the capital markets between Western banks and credit institutions belonging to different religious and ethnic groups, as well as competition of the latter with each other, Muslim banks acted as an instrument for ensuring the economic independence of

Muslim communities in a number of countries and regions in the period under review. After the countries of Asia gained independence, Muslim banks were transformed into ordinary national banks.

The activities of Muslim banks are considered in the article against the background of discussions on the admissibility of loan-based banking operations in the context of the prohibition of usury (*riba*) in Islamic law. The article emphasizes that Muslim banks in their activities relied on the theological and legal conclusions (*fatwas*) of Islamic scholars who considered such activities legitimate and not falling under the Quranic concept of usury.

The author adheres to the point of view that the creation of an independent state or national-territorial / national-cultural autonomy of Muslims was a natural result of the struggle of the Muslim bourgeoisie with competitors for the markets for goods and services in a number of countries and regions, considering both Muslim and Islamic banks only as a certain stage in the development of banking in a number of countries in Asia, Africa and Europe. The article disputes the idea that both Islamic banks and the Islamic economic model as a whole are monolithic structures that cannot be modified. According to the author, the very creation of Islamic banks, as well as their convergence with conventional (non-Islamic) credit institutions, which we observe today, is a natural result of a change in the economic interests of the ruling class both in the countries of the spread of Islam and in the Western world.

The article examines the history of the creation of Muslim banks in Bosnia and Herzegovina and in British India. These regions are brought together by the fact that Muslims who lived there were forced to compete with representatives of other ethno-confessional groups and communities living in the same territory. Particular attention is paid to the theological and legal discussions on the creation of a Muslim bank in Russia.

Keywords: Muslim bank, Islamic bank, *riba*, Musa Bigiev, trade castes in India, Khoja, Bohra, Memons

About the author:

Renat I. Bekkin – Doctor of Sciences in Economics, Ph.D. in Religious studies; Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Institute of Oriental Studies, the Herzen State Pedagogical University of Russia; leading research fellow at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. 123001, Moscow, ul. Spiridonovka, 30/1.

E-mail: bekkin@mail.ru

Conflict of Interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

References:

- Andrus J.R., Muhammad A.F. 1958. *Economy of Pakistan*. Oxford University press. 519 p.
- Caporalea G.M., Çatıkb A.N., Helmic M.H., Alid F.M., Tajik M. 2020. The Bank Lending Channel in the Malaysian Islamic and Conventional Banking System. *Global Finance Journal*. 45. DOI: 10.1016/j.gfj.2019.100478
- Jonker G. 2020. *On the Margins. Jews and Muslims in Interwar Berlin*. Leiden: E.J. Brill. 272 p.
- Kamal-ud-Din Kh. 1924. Usury or Interest? *Islamic Review*. October. P. 333-334.
- Kuran T., Singh. A. 2013. Economic Modernization in Late British India: Hindu-Muslim Differences. *Economic Development and Cultural Change*. 61(3). P. 503-538.
- O’Sullivan M. 2020. Interest, Usury, and the Transition from “Muslim” to “Islamic” Banks, 1908–1958. *International Journal of Middle East Studies*. 52. P. 261–287.
- Šabotić I. 2019. *Čifčijski odnosi i promjena vlasništva nad zemljom u Bosni i Hercegovini (1878–1918)*. Tuzla. 320 s.

Bekkin R.I. 2010. *Islamskaya ekonomicheskaya model' i sovremennost'*. [Islamic Economic Model Nowadays]. Moscow: Izdatel'skij dom Mardzhani. 352 p. (In Russian).

Bekkin R.I. 2012. *Islamskaya ekonomika: universal'naya teoriya razvitiya ili odna iz modelei tret'ego puti?* [Islamic Economics: a Universal Theory of Development or One of the Models of the Third Way?]. *Oriens*. 5. P. 99–112. (In Russian).

Bekkin R.I. 2014. «Den'gi obladayut... magicheskoi siloi?». Recenziya na knigu: Bigiev M. Zakyat. Per. so starotat. T.H. Khabibullina i I.A. Zaripova. [“Money has... Magical Power”. Review of the book: Bigiev M. Zakah. Transl. from Old Tatar language by T.H. Khabibullin, I.A. Zaripov]. Naberezhnye Chelny: Islam Nury. 2013. 228 s. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 156(4). P. 223–228. (In Russian).

Bigiev M. 2013. *Zakyat* [Zakah]. Transl. from Old Tatar language by T.H. Khabibullin, I.A. Zaripov. Naberezhnye Chelny: Islam Nury. 228 p. (In Russian).

Levin S.F. 1965. *Ob evolyutsii musul'manskikh torgovykh kast v svyazi s razvitiem kapitalizma (na primere bohra, memanov i khodzha)* [On the Development of the Muslim Merchant Castes in Capitalist Society (Bohras, Memans, and Khojas)]. *Kasty v Indii*. Moscow. P. 233–261. (In Russian).

Zaripov I. 2014. *Dzhadidskiy kontekst ekonomicheskoi modeli islama u tatar* [Jadid Context of the Economic Model of Islam among the Tatars]. Naberezhnye Chelny: Islam Nury. 248 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Беккин Р.И. 2010. *Исламская экономическая модель и современность*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд. дом Марджани. 352 с.

Беккин Р.И. 2012. Исламская экономика: универсальная теория развития или одна из моделей третьего пути? *Восток (Oriens)*. 5. С. 99–112.

Беккин Р.И. 2014. «Деньги обладают... магической силой». Рецензия на книгу: Бигиев М. Заkyat. Пер. со старотат. Т.Х. Хабибуллина и И.А. Зарипова. Набережные Челны: Ислам Нуры, 2013. 228 с. *Учёные записки Казанского университета*. 156(4). С. 223–228.

Бигиев М. 2013. *Заkyat*. Пер. со старотат. Т.Х. Хабибуллина и И.А. Зарипова. Наб. Челны: Ислам Нуры. 228 с.

Зарипов И. 2014. *Джадидский контекст экономической модели ислама у татар*. Набережные Челны: Ислам Нуры. 248 с.

Левин С.Ф. 1965. Об эволюции мусульманских торговых каст в связи с развитием капитализма (на примере бохра, меманов и ходжа). *Касты в Индии*. Москва. С. 233–261.